

Тамара Яковук

***Смыслжизненные ценности
молодежи в современной Беларуси***

Согласно декларациям опрошенной молодежи, проблема смысла жизни довольно часто является предметом ее рефлексии. (Основной темой данного социологического исследования является ценностный мир белорусской молодежи периода системной трансформации постсоветского общества. Социологическими опросами, проведенными автором, была охвачена студенческая и работающая молодежь, военнослужащие пограничных войск Республики Беларусь. Всего в течение 1998-2002 г.г. в анкетировании и интервьюировании приняло участие 1824 респондента, из них 961 юноша и 863 девушки, что соответствует статистическим данным генеральной совокупности, проживающие в столице и областных центрах, малых городах и сельской местности, поэтому есть основания говорить о некоторых тенденциях, проявившихся во всех молодежных группах респондентов, как о характерных для большинства белорусской молодежи). 12% респондентов утверждает, что очень часто, а 41% довольно часто размышляют на эту тему. Это подтверждает интуитивное убеждение в том, что именно юность, пора вступления в жизнь является периодом, наиболее чувствительным к проблематике данного рода.

Спонтанные ответы респондентов на открытый вопрос, касающийся смысла жизни, свидетельствуют о том, что он чаще всего связан со здоровьем, любовью и семейной сферой. Два из трех опрошенных считают здоровье самым важным в своей жизни. Каждый третий респондент смысл жизни видит в работе. Почти половина молодых людей смысл жизни ищет среди экзистенциальных ценностей (среди польских студентов таких оказалось 15%). [Świda-Ziemba, 2000], [Świda-Ziemba, 1996: 3-10]; [Świda-Ziemba: 1998]. Эти респонденты подчеркивают значимость самосовершенствования, стремление к избранной цели, использование всех возможностей, какие встречаются на жизненном пути, чтобы потом *не о чем было жалеть*. Каждый второй молодой человек смысл своей жизни связывает со счастьем, каждый четвертый с деньгами и богатством.

В широком спектре моральных ценностей (*добро, помощь другим, порядочность, правда*) ищет смысл 23% респондентов (в Польше 11%), в сакральной сфере (Бог, вера в Бога, спасение) 6% нашей молодежи (в глубоко религиозной католической Польше 7%). Ценности общественной жизни наполняют смыслом жизнь каждого десятого из опрошенных молодых людей. Лишь немногие (1%) не сумели определить, с чем у них связаны представления о смысле жизни.

Отвечая на скрытые вопросы интервью об удачной жизни, респонденты дали подобные ответы. Размышляя о жизни, оценивая ее, молодежь счастливую жизнь связывает, прежде всего, с *удачным браком, хорошими партнерскими отношениями в семье, взаимной поддержкой, семейной любовью (76%), здоровьем (64%), любовью, верностью (28%), детьми, удовлетворением от их хорошего воспитания и образования, их блага (31%)*. Интересно, что, высоко оценивая любовь и семейное тепло, молодежь гораздо меньше связывает жизнь с детьми. Дети являются смыслом жизни лишь для 38%. 26% молодых людей утверждают, что *смысл жизни не в потомках, а в улучшении собственной жизни*.

Для каждого второго (51%) молодого белоруса важнейшим фактором, влияющим на оценку жизни, является материальная независимость, деньги, финансовая безопасность. Каждый пятый (21%) важным условием счастья считает наличие *собственной квартиры, дома, соответствующих жилищных условий*.

Удачная жизнь в понимании белорусской молодежи в значительной степени связана с самореализацией. Так, каждый третий (31%) оценивает жизнь по фактору наличия *работы, хорошей интересной работы, независимости в работе*. Для каждого четвертого (25%) при оценке жизни оказываются очень важными профессиональная и общественная позиция: образование, успех, карьера. Каждый третий молодой белорус (в Польше лишь 2%) считает удачной ту жизнь, в которой присутствуют и реализуются *возможности достижения собственных целей, целей в жизни, целеустремленность, возможность заниматься в жизни тем, что нравится, к чему стремишься и что любишь*.

Для каждого пятого (22%) немаловажным фактором, влияющим на ощущение удовлетворенностью жизни, являются общественный порядок и стабилизация, стабильное государство, общественное согласие, гарантия прав, мир и порядок.

Жизнь в гармонии, в согласии с собственной совестью, в уважении к достоинству человека, согласно с моральным кодексом, порядочность, благожелательность делают счастливой жизнь каждого четвертого респондента (25%).

Хороший партнер и удачная сексуальная жизнь способны осчастливить 6% и 13% молодых людей соответственно.

Исключительно низкий процент респондентов связал счастье своей жизни с этическими аспектами. Так, *жизнь для других, возможность быть полезным, оставить что-то после себя, сделать что-то для других, помогать другим* наполняют смыслом собственное существование лишь 3% молодых людей.

Сакральная сфера, представленная в опросах *верой в Бога и жизнью согласно догматам веры, божьей милостью*, способны принести ощущение радости жизни лишь 3% молодых людей.

Как свидетельствуют данные проведенных нами социологических опросов, психическое самочувствие белорусов, в том числе и молодежи первого поколения системной трансформации, стало более "приземленным". Их психическая кондиция, так же, как и у населения других стран, переживающих трансформационные процессы, связана не столько с субъективным самочувствием, сколько с положением в обществе, условиями жизни. Затянувшиеся экономические, политические, социальные реформы, их невысокая эффективность, низкий жизненный уровень белорусов стали причиной не столько личного, сколько "эпидемического" психического самочувствия.

Культурная ниша, являющаяся местом ожидания лучшей жизни, лучшего удовлетворения насущных потребностей и вообще того, что будет лучше, характеризуется редко используемым социологами словом *надежда*. В этой нише нет места возможности поворота вспять и даже стагнации. Люди вообще впитывают в свой социальный опыт то, что хотят впитать, видят то, что хотят видеть, именно так устроена культура человеческих групп. В этом первопричины возможности появления мифов, мифологизированной действительности, т.е. этой культурной ниши. Понятие *надежда* предшествует понятию *жизненные шансы* и, что стоит особо подчеркнуть, на использовании склонности людей надеяться базируются многие религиозные системы, совершенно не заботящиеся о благополучии в настоящем, но, тем не менее, обеспечивающие социальную стабильность и легитимность порядка. Отвечая на прямой вопрос о том, надеются ли они на лучшее в ближайшем и отдаленном будущем, молодые белорусы разделились на две практически равные группы оптимистов и пессимистов. 60% респондентов с надеждой смотрят на ближайшее будущее, 53% не покидает это чувство в ожидании будущего отдаленного. Мы

оцениваем такой уровень оптимизма данной социально-демографической группы с учетом ее юного возраста и будущих жизненных перспектив как достаточно низкий. Интересно, что в среде молодых пограничников уверены в ближайшем будущем 77% опрошенных пограничников, в то время как такую уверенность испытывают лишь 36% опрошенных студентов второго курса технического университета. Знаменателен тот факт, что с большей надеждой ждут будущего опрошенные нами военнослужащие погранвойск, студенты-заочники, студенты, обучающиеся на "престижных" факультетах. Их оптимизм коррелирует с общим социальным самочувствием, лучшей материальной обеспеченностью, избранной рыночно ориентированной профессией.

Рассматривая смысложизненные проблемы респондентов, мы затронули вопрос об их возможности влиять на конкретные события жизни, об отношении молодежи к жизненным событиям вообще. Лишь незначительный процент опрошенных молодых людей (14%) признались в том, что, практически, не могут влиять на события, которые происходят в их жизни. Такой же процент в молодежной среде тех, кто испытывает страх перед мыслью о том, что *для достижения достойной жизни многое в жизни необходимо начать сначала*. Несмотря на то, что почти каждый второй (43%) из опрошенных нами молодых людей испытывает страх, тревогу, связанную с жизненными переменами, тем не менее, 44% твердо верят в возможность достижения жизненного успеха, *если только очень постараться*. Убежден в том, что реализует свои цели, которые ставит перед собой, каждый четвертый (24%). 28% верят в то, что *в настоящее время в нашей стране каждый предприимчивый человек может заработать финансовый капитал* (в Польше вдвое больше - 56%). В то же время 37% считают, что *в наше время, если нет начального капитала, то нет смысла начинать свое дело*.

Факторный анализ позволяет выделить два типа убеждений по отношению к трансформирующейся белорусской действительности.

Первый тип мы вслед за К. Панковским назовем "адаптационной жесткостью" [Pankowski, 1997: 17-49]. В восприятии действительности этой частью молодежи преобладает боязнь завтрашнего дня, опасения, связанные с переменами, отсутствие веры в собственные силы, в успех начатых дел. Второй тип можно назвать "напористостью", характеризующейся верой в успех и собственные возможности. Первый тип убеждений сковывает страх перемен, потенциал психических, интеллектуальных, материальных усилий, которые необходимо затратить для достижения жизненного успеха. Второй тип убеждений базируется на вере, что, если в жизни что-то меняется, то *следует радоваться тому новому, что может изменить нашу жизнь к лучшему* (39%), но при основательных жизненных переменах следует быть *не только осторожным* (42%), *но и смелым* (39%). В этом случае, *если очень постараться*, можно не только выжить, но, проявив трудолюбие и предприимчивость, добиться жизненного успеха и создать финансовый капитал (28%).

Одним из наиболее ярких показателей, свидетельствующих о духовной кондиции человека, выступает субъективно переживаемая монотонность жизни, противопоставленная опыту жизни, чрезмерно насыщенной разнообразными событиями. Согласно декларациям опрошенных нами молодых людей, у каждого третьего (31%) *жизнь протекает монотонно в черед сменяющих друг друга похожих дней*. Лишь один из десяти (11%) переживает *так много разнообразных событий, что даже хотел бы от них отдохнуть*. У каждого третьего (36%) стремительный бег времени с множеством событий сменяется монотонностью и серостью бытия. Каждый шестой (16%) затрудняется определить калейдоскопичность событий своей жизни.

Молодежь обращается не к тем традициям, что их отцы и деды, отсюда появляющаяся разница в смыслах, связанных с происходящими изменениями. Решающую роль при их оценке имеет образование, наличие работы, связей, достигнутый личный успех. "Люди успеха" придают переменам позитивный смысл, проигравшие

– смысл негативный. Огромно также влияние других людей, их жизни, деятельности, культурных образцов и ценностей. Опираясь на эти наблюдения, информацию и символы, часто амбивалентные, взаимно противоречивые, молодежь вырабатывает собственное осмысление перемен. Интерпретация происходящих в стране событий испытывает на себе также активное влияние "архитекторов смыслов" - политиков, интеллектуалов, деятелей науки, культуры, публицистов, - конструирующих за нас и навязывающих их нам.

В трансформирующемся обществе важнейшим показателем духовного состояния его граждан является их отношение к перестройке социальных институтов, к реформам в области государственной политики и экономики. Недоброжелательное отношение населения к социальным переменам часто оказывается следствием "утомленности" этими реформами. Респондентам был задан ряд вопросов, позволяющий определить уровень акцептации происходящих в стране перемен и открытости молодых на новые явления. Уровень инновационной готовности мы определяли с помощью трех суждений. Наши респонденты определили свое отношение к трансформации белорусского социума в трех измерениях.

Первое измерение поведенческой установки по отношению к переменам связано с ментальностью людей и вытекает из их чрезмерной склонности прогнозировать будущее, причем вырисовывается оно не всегда в радужных тонах. Ответы на поставленные в анкете вопросы продемонстрировали победу в молодежной среде, скорее, негативных настроений по отношению к происходящим в стране переменам и тем проблемам, которые они в себе несут. 43% опрошенных молодых людей в ситуации грандиозных перемен испытывают состояние страха и тревоги. У 36% трансформационные процессы вызывают противоречивые чувства. В то же время новые веяния вызывают оптимизм и радость,

связанную с тем, что можно начать в жизни что-то новое, у 39% молодежи.

С другой стороны, примерно такое же число (42%) респондентов проявляют связанную со страхом осторожность. Почти столько же (39%) опрошенных считают, что в новых условиях, вызванных основательными переменами, *следует действовать смело, иначе никогда ничего не достигнешь*. Оптимизм и смелость, связанные с происходящими трансформационными процессами, в большей степени характерны для парней, чем для девушек.

Третье измерение отношения к стремительно меняющемуся бытию белорусов, являясь упрощенной формой консерватизма, носит не столько психологический, сколько идейный характер. В превосходстве старых или новых идей уверен каждый пятый молодой белорус (по 19% "консерваторов" и "либералов"). 62% не смогли определить своего отношения к *новым идеям, которые обычно лучше старых и к старым, самым лучшим, выдержавшим испытание временем*.

Подавляющему большинству (81%) молодежи оказались свойственны неуверенность, сомнения, связанные с переменами, замкнутость на новые идеи, взгляды, процессы. Одним из показателей адаптации к постоянно меняющимся условиям жизни является деление на "проигравших" и "выигравших". Такое деление на тех, кто нажили, и кто потеряли, хорошо или плохо приспособленных, являющееся не только дихотомией, позволяет в определенной степени обозначить уровень этой адаптации, ее условий и способов справляться с новой реальностью. Социальное знание наших респондентов приобреталось в трансформирующемся белорусском социуме, поэтому их собственные представления о недалеком утраченном прошлом базируются, в основном, на семейных легендах, знании отечественной истории, "гуляющей" в СМИ информации. Причем основной и первый коллективный опыт переживается в семье. Здесь осмыслиются поступающие извне

вызовы, здесь ведутся дискуссии об удачах и поражениях родственников, знакомых и друзей, оцениваются их поступки, делаются соответствующие выводы. Поскольку ощущение проигрыша или выигрыша присутствует в сознании молодежи, мы поинтересовались у респондентов, к какому разряду участников белорусской трансформации они себя относят. Более всего нас интересовал процент тех, кто научился жить в новых условиях, обеспечивать достойный уровень жизни себе и своим детям, т.к. темп и уровень освоения новой действительности отдельными гражданами одновременно определяет темп и уровень макросоциальных перемен.

В стабильных обществах происходящие перемены настолько плавные, что, практически, не сказываются на повседневной жизни людей. Их личный опыт подвергается общественной "обработке" и принимает относительно устойчивое измерение. В обществах трансформирующихся люди сами вынуждены задавать себе вопросы, связанные с меняющейся социокультурной жизнью, с тем, чтобы определиться, как выжить, какие действия предпринять. Определяя свои жизненные позиции, к *выигравшим* себя отнесли 8% респондентов, 20% к *проигравшим*. В понимании 31% молодых людей, произошедшие перемены не оказали существенного влияния на их жизненную ситуацию, 41% ни выиграл, ни проиграл.

Люди, которые собственную линию поведения связывают с личной креативностью, способны поменять жизненную стратегию, понимая период трансформации как шанс. Четко осознавая всю сложность жизни, они, тем не менее, создают ее интересный и красивый сценарий, подчеркивая, что готовы научиться отказываться от своих увлечений в пользу создания товара или оказания услуги, за которые другие могут им заплатить.

Как свидетельствуют данные исследования, в молодежной среде есть сторонники проводимых в стране реформ и нет в ней тех, кто испытывает ностальгию по "утраченному раю".

Субъективная оценка собственных условий жизни не всегда соответствует реальному положению дел, но она является индикатором ощущения материальной безопасности или общественной фрустрации. Эта оценка существенно влияет на социопсихическое самочувствие индивидов, их оценку собственной жизни, ощущение счастья. Снижение уровня социальной защищенности белорусов, поляризация их доходов, появившаяся возможность сравнения своих условий жизни с уровнем граждан соседних государств привели к монетаризации сознания белорусов.

Поинтересовавшись у респондентов, на что в их семье откладываются деньги, мы хотели установить уровень жизни белорусских семей в их собственной оценке. Как оказалось, свою собственную материальную кондицию молодые люди воспринимают достаточно позитивно. Судя по их ответам, 33% семей, в которых живут наши респонденты, откладывают деньги на дальнейшее образование. 35% на будущее. В каждой третьей семье (32%) вообще нет сбережений и это при том, что общественно-экономическая трансформация увеличила значимость финансовых сбережений, мотивируя тем самым людей к определенному накоплению средств даже при их ограниченных возможностях. Но характер накоплений этих 68% семей свидетельствует о том, что гораздо большая часть белорусского общества после десятилетия тяжелейших реформ могла бы отнести себя к разряду выигравших, чем это принято считать.

Знаком понимания новых правил игры является образование. Как оказалось, каждая третья семья наших респондентов откладывает деньги *на образование детей*. Такая экономическая стратегия семей наших респондентов поддерживается их достаточно высокими доходами. Как очень хорошую мы понимаем материальную ситуацию тех семей, в которых откладываются деньги *на будущее*. Рассматривая экономическую ситуацию респондентов, мы пришли к выводу о том, что третью часть белорусского социума, согласно

принятых нами критериев, можно отнести к *динамичной*. Этой части общества сейчас живется трудно, но именно ее характерной чертой является оптимизм, вера в лучшее будущее, в то, что можно реализовать запланированное, и что каждый предприимчивый человек может заработать капитал.

Нас интересовал также вопрос, какие стратегии выживания использует молодежь, в том числе из достаточно обеспеченного, динамичного социального слоя с целью улучшения своей материальной ситуации. Как оказалось, 44% опрошенных нами респондентов готовы повышать профессиональный уровень, чтобы в дальнейшей перспективе укрепить свои материальные позиции. С одной стороны, эти действия можно отнести к разряду активных, поскольку они действительно улучшают ситуацию в отдаленной перспективе. Но почти половина молодых людей проявляет экономическую пассивность. 26% опрошенных сокращает траты, экономит, 18% пользуется помощью семьи, родственников, друзей. Наиболее часто данная экономическая стратегия применяется и молодежью из динамичного достаточно обеспеченного слоя. Лишь 17% молодых людей заявило о том, что они больше и интенсивнее работают.

Проигравшие, в своем большинстве высказавшие пессимизм по отношению к настоящему и переменам к лучшему в будущем, имеют основания для таких оценок. Их слабые материальные позиции, невозможность откладывать деньги на будущее и образование подкрепляются пассивной экономической стратегией. Среди проигравших подавляющее большинство с целью улучшения материальной ситуации предпринимает сокращение расходов, экономит финансовые ресурсы.

Собственная квартира и ее оборудование являются основной потребностью семьи, а степень удовлетворения этой потребности влияет на качество жизни семейной ячейки. В числе важнейших условий удачной и счастливой жизни для каждого пятого молодого

белоруса является собственная квартира. Мы поинтересовались уровнем оборудования квартир наших респондентов, поскольку товары длительного пользования являются одним из показателей экономического статуса белорусов. Семьи наших респондентов (подавляющее большинство составляет студенчество и военнослужащие ПВ РБ), как мы уже отмечали, относятся к числу достаточно обеспеченных по белорусским стандартам. Как свидетельствуют полученные нами данные, быт этих семей в значительной степени обеспечен товарами длительного пользования. Так, у 80% семей есть холодильники, у 77% цветные телевизоры. Гораздо хуже обстоят дела с оборудованием культурного назначения. Только у одной из десяти семей есть спутниковое телевидение (9%), кабельное у каждой четвертой. Автомобиль, еще недавно считавшийся предметом роскоши и особой любви и гордости, сегодня есть у каждой второй семьи наших респондентов (56%).

Несколько последних лет существенно изменили общественную значимость многих товаров длительного пользования. Все реже преградой для их приобретения становятся деньги. Кажется, навсегда канул в лету дефицит каких-либо товаров и услуг, но на этом фоне все большую значимость приобретают такие факторы, как стиль жизни, привычки, образование, культурные потребности, профессия и род занятий, место жительства. Практически, в каждой четвертой семье наших респондентов есть морозильная камера, стиральная машина-автомат, видеомагнитофон, кабельное телевидение. Мы не отметили в этом перечне холодильник и телевизор, поскольку они широко распространены в белорусских семьях и ими владеют практически все. Мы не интересовались техническими и качественными параметрами товаров длительного пользования, однако само их наличие в белорусских семьях свидетельствует о достаточно неплохой экономической кондиции этой части нашей молодежи [Яковук, 2003].

Уровень общей удовлетворенности условиями жизни наших респондентов мы измеряли вопросом: *Какое из предложенных определений более всего соответствует Вашему нынешнему материальному положению (мы живем: очень бедно, скромно, средне, хорошо, очень хорошо)*, находящегося в тесной связи с двумя первыми. Обе эти переменные – удовлетворенность условиями жизни и оценка собственной ситуации в категориях *выиграл – проиграл* – являются частью общественного измерения, определяющего отношение общества к системной трансформации. Так, прогнозируя материальную ситуацию своей семьи через 3-5 лет, ее улучшения ожидают 19% молодых людей, ухудшения 5%. В том, что она останется такой же, уверены 25% опрошенных, а 26% затрудняются что-либо сказать по этому поводу. Сопоставляя ответы наших респондентов на вопросы, связанные с социальным самочувствием, можно сделать вывод о том, что молодых людей не столько тревожит невысокий жизненный уровень в настоящем, сколько боязнь его утраты в будущем.

Поскольку одним из важных факторов, формирующих взгляды, убеждения и поведение индивидов, является их положение в социальной структуре, мы поинтересовались у наших респондентов, как они понимают свою общественную позицию. Как известно, не всегда субъективное восприятие собственного положения на социальной лестнице соответствует реальным позициям, занимаемым человеком в общественной структуре. Однако это восприятие является для социальной структуры и ее функционирования не менее важным, чем объективные различия. Проблема восприятия своей социальной позиции в иерархическом измерении давно является предметом социологических исследований. Наш интерес к этому аспекту вызван трансформацией социальной идентификации белорусов, начавшейся сразу после распада СССР и крушения прежней идеологии, носившей ярко выраженный классовый характер. Какие же новые роли и

социальные идентичности принимают на себя потомки рабочих, крестьян и советской интеллигенции?

Одним из аспектов перцепции места, занимаемого на иерархической лестнице социума, является самооценка собственной общественной позиции с точки зрения неравного доступа к широко понимаемым благам и ценностям. Иногда, спонтанно отвечая на этот вопрос, респонденты подвергают оценке, прежде всего, свою материальную состоятельность (уровень жизни, уровень доходов). И, несмотря на то, что это всего лишь один из аспектов общественного положения, он все-таки очень важен для восприятия своих социальных позиций.

Из полученных нами в ходе исследования данных следует, что каждый третий молодой белорус (30%) затрудняется идентифицировать свою социальную позицию. На высшей ступени "разместились" 10% респондентов, на низшей - 2%, что вполне объясняется известной тенденцией избегать крайних оценок. 63% опрошенных молодых людей отнесли себя к среднему классу белорусского социума, находящегося в фазе трансформации. В самооценке молодежи просматривается ее явное стремление к выбору середины, оценки своей ситуации как средней. Она не коррелирует с оценкой молодежи своей материальной. Поэтому такую социальную идентификацию наших респондентов мы связываем, прежде всего, с приобретаемым ими образованием и теми надеждами, которые на него возлагаются.

Полученные нами в ходе исследования данные позволяют подойти к следующим выводам:

Общественная и гражданская активность позитивно коррелирует с уровнем образования и общественно-профессиональными позициями. Поскольку наши респонденты обладают современными знаниями и прекрасным положением в обществе, то, очевидно, причины такого высокого уровня социальной апатии молодых белорусов скрываются не в уровне образования и социального

статуса, а в синдроме психосоциальных условий, таящихся в предыдущем и актуальном опыте респондентов, в наблюдениях за публичной жизнью окружающих людей и политиков.

Белорусская молодежь демонстрирует привязанность к моральным ценностям, однако, высказываясь по проблемам, касающимся жизненных ценностей, молодые выбирают позиции, близкие не столько этическому кодексу, сколько прагматизму. Можно предположить, что в случае удачного проведения реформ белорусам на марше к лучшей жизни перестанет сопутствовать ощущение бедности общества. Наоборот, поскольку в сравнении с предыдущими годами сейчас меньше бедных и больше людей, живущих в относительном достатке, то есть основания полагать, что с трансформацией белорусского общества изменится отношение к богатству, которое все меньше ассоциируется с непорядочностью и обманом, и к бедности, которая уже начинает восприниматься в сознании значительной части молодежи как результат собственной социально-экономической пассивности.

Смысложизненные ценности человека ярко представлены в его жизненных планах. В научной литературе отмечается также близость жизненных ориентаций и жизненных планов. Жизненные ориентации детерминируют содержание жизненных планов как генетически более ранний их компонент, кроме того, жизненный план "является антиципацией собственного будущего на реальном, возможном для предвидения личностью временном отрезке (...), он является конкретизацией aspirations и их корректурой" в разных сферах жизни [9]. Поскольку жизненный план требует от индивида самоопределения в различных областях жизни, то вслед за Р. Боровичем мы принимаем, что жизненный план "является определенной проекцией понимания и видения собственного будущего" [там же, с. 276]. Мы обратились к изучению жизненных планов еще и потому, что они наряду со всеми элементами прогнозирования *личного* пространства, по мнению выдающегося

русского физиолога П.К. Анохина, являются составной частью саморегулирования, они помогают человеку корректировать поступки, поскольку именно *возможные* или *желаемые* компоненты будущего включаются в процессы саморегуляции и самовоспитания. Процесс планирования собственного будущего напрямую зависит от формирования будущей временной перспективы человека, поскольку возможность восприятия собственного "я" с позиций будущего зависит не только от познавательного развития человека, но и способности индивида перешагивать через границы настоящего. Изучение данного аспекта нам кажется особенно важным не только с точки зрения достижения цели исследования, но и с точки зрения включения механизмов индивидуального и социального развития, формирования темпоральной ориентации молодого поколения белорусов.

Жизненные планы в сравнении с жизненными ориентациями представляют собой более конкретную сферу личной жизни, жизненную концепцию, не только предпочитаемую индивидом, но и фактически реализуемую. Эта картина будущего конструируется на основе интериоризированной системы ценностей с учетом личных желаний и предпочтений, верифицированных как через оценку собственных возможностей, так и условий, сложившихся в социокультурной среде, в которой эти жизненные планы предстоит осуществлять. В процессе жизни эти планы могут неоднократно меняться, модифицироваться или вообще отбрасываться. Жизненные планы и жизненные ориентации относятся к одной сфере деятельности человека, но различаются уровнем уточнения и детализации своего содержания.

Выдающийся американский социолог Р. Мертон выделял определенные культурные цели, намерения и интересы, находящиеся в жестком соподчинении с соответствующими ценностями, как один из двух основных факторов во взаимодействии культуры с социально-стратификационными изменениями [Merton,

1982: 157-159]. Конативная грань трехкомпонентной структуры ценностных ориентаций личности у этого автора в наиболее полном виде представлена в жизненных планах молодежи, являющихся неорганизованным отражением в массовом сознании бытия и собственного практического опыта. В анализе структуры массового сознания молодежи и ее жизненных планов конкретно-исторический подход использовался нами как основополагающий.

В целом мы понимаем жизненные планы как "совокупность целей и средств их достижения, выдвигаемых личностью в процессе жизнедеятельности, при условии пространственно-временной локализации целей и конкретизации и координации средств. Эти цели и средства определяются, с одной стороны, объективными условиями, с другой — жизненными планами, характеризуются всем многообразием потребностей, интересов и ценностных ориентаций личности" [Świda-Ziemba, 2000: 269-270]. Под структурой жизненных планов мы понимаем совокупность планов в различных сферах жизнедеятельности различных социальных групп в конкретных условиях места и времени, а также реально существующие между этими отдельными элементами взаимосвязи и взаимодействия, их направленность, логичность, реалистичность, когерентность. В этой структуре нами выделены следующие компоненты: экономические, семейно-бытовые, профессионально-трудовые, культурно-досуговые, общественно-политические. Структурное упорядочение этих разрозненных элементов в ходе первичной обработки данных было достигнуто с помощью методов многомерного корреляционного анализа и теории графов. Особенно эффективны эти методы, на наш взгляд, при изучении жизненных планов социально-профессиональных групп молодежи в силу особой сложности взаимосвязей, входящих в структуру компонентов. Такой путь позволяет выделить блоки жизненных планов, их реальную взаимосвязь, согласованность, когерентность, соответствие

нормативным моделям, опирающимся на общечеловеческие ценности [Świda-Ziemia, 2000: 269-270, с. 241].

Жизненные планы белорусской молодежи "перелома" были связаны, прежде всего, с созданием хорошей семьи, расширением ее состава (69%) и достижением успехов в профессионально-трудовой деятельности. 78% респондентов выдвигали эти цели как важнейшие и планировали их осуществление на ближайшие пять лет. У первого поколения трансформации такие планы у 53% и 69% соответственно (В этом же социологическом исследовании, но в другой анкете, выбирая из 17-ти предложенных ценностей, работу как важнейшую ценность респонденты разместили на 15-м месте.) 65% респондентов, представлявших молодежь "перелома", стремились к достижению высокого заработка. На четвертом месте (56%) в числе намеченных целей располагалось *достижение более высокого образования*. Пять лет назад мы обратили внимание на этот показатель как на достаточно высокий, свидетельствующий о лично-мотивированной готовности белорусской молодежи к самосовершенствованию и самообразованию и вселяющий надежды на успех инноваций и реформ, проводимых в белорусском социуме, поскольку рассматриваем стремление к постоянному образованию как базис профессионально-конкурентной способности в условиях рыночной экономики и информационного бума рубежа столетий. У поколения трансформации в нашем исследовании заметно снизилась ориентация на высокое образование (до 33%), но мы это объясняем изменением контингента опрашиваемых. (На данные вопросы отвечали студенты, для которых вопрос получения высшего образования, практически, решен).

Очевидным было наличие корреляционной зависимости между успехами в работе и достижением более высокого образования, высокого заработка и созданием хорошей семьи, расширением ее состава. "Замыкало" пятерку важнейших целей *улучшение жилищных условий*: 41% опрошенных молодых людей мечтали построить свой

дом, квартиру, 3% произвести обмен (размен), 22% еще не решили, как осуществить эту мечту. Число пожелавших построить свой дом увеличилось до 58%, создать семью снизилось до 53%. Тенденция снижения ориентации на постоянного партнера, семью и детей уже отмечалась нами ранее в связи с анализом других анкет. Пожелавших произвести размен жилплощади с родителями не оказалось вообще.

В культурно-досуговом блоке — стремление к образованию (56%), 13% связывают свои надежды с *достижением высокого уровня общей культуры, хотели бы подружиться с интересными людьми* 12,5% опрошенных молодых людей. Мы рассматривали эти показатели как стремление значительной части молодежи к раскрытию и развитию своих возможностей посредством интеллектуальных занятий через повышение профессионализма, компетентности, поиск путей самосовершенствования, т.е. все то, что известный американский психолог и социолог А. Маслоу понимал под самоактуализацией. Число, желающих повысить в ближайшие годы свой культурный уровень у нового поколения практически не изменилось (10%), однако заметно возросла ориентация на взаимоотношения с интересными людьми: с 12,5% до 40%. Эта ориентация оказалась на третьем месте после успехов в профессионально-трудовой деятельности и достижения высокого заработка. Знаменательно, что почетное третье место было "отвоевано" у ориентации на *создание хорошей семьи, расширение ее состава*.

Достаточно интересны данные общественно-политического блока: 9% включали в ближайшие планы активное участие в жизни коллектива, 3% желали добиться избрания в общественные и руководящие органы, 13% желали *достичь умения приносить пользу другим людям, столько же добиться независимости от других людей и обстоятельств*. У поколения "перелома" мы отметили факт замены основной, базовой ценности эпохи социализма *коллективизма индивидуализмом*. В этом смысле весьма знаменательно сравнение у двух рассматриваемых поколений ориентации на *независимость от*

других людей, обстоятельств: При этом стремление молодых людей к независимости, самовыражению, личной свободе причудливо переплеталось с высокой оценкой *силы и власти* и крайне незначительной ориентацией на ценности демократии. У первого поколения трансформации общественно-политическая активность снизилась до 6%, стремление *быть избранным в руководящие органы* и приносить пользу людям изменились также незначительно: 7% и 15% соответственно.

Значительный "отрыв" экономических, семейно-бытовых приоритетов от располагающихся в аутсайдерах политических свобод, угасание интереса молодежи к политике, на наш взгляд, свидетельствует о зарождающемся феномене: *политика* перестала быть способом умственного и эмоционального существования белорусов. Дела насущные, повседневные, личные волнуют больше, чем глобальные, отдаленные в пространственно-временной перспективе.

Итак, исследуемая молодежь характеризуется достаточно высоким уровнем темпоральной ориентации на будущее. Респонденты декларируют, что много и часто думают о будущем, хотя одновременно они ориентированы на решение актуальных задач. Можно утверждать, что молодежь осознает происходящие в стране политические, экономические, культурные изменения и склонна предпринимать прагматично-конкретные действия, сконцентрированные на образовании. Образовательно-профессиональные планы являются основным элементом, формирующим их будущее. Этим во многом объясняется наш оптимизм в оценке результатов анализа жизненных планов молодежи, надежда на позитивные прогнозы будущего страны.

[1] Borowicz, R. 1980. *Plany życiowe młodzieży a środowisko. Zagadnienia metodologiczne*, w: *Studia socjologiczne* N 4.

[2] *Формирование мировоззренческой культуры молодежи* / Под ред. Табачковского В.Г. – Киев: Наукова думка, 1990.

-
- [3] Яковук, Т.И. 2003. *Меняющаяся молодежь в меняющемся обществе*, Брест.
- [4] Маслоу, А. 1999. *Новые рубежи человеческой природы*, М.
- [5] Merton, R.K. 1982. *Teoria socjologiczna i struktura społeczna*, Warszawa.
- [6] Pankowski, K. 1997. *O sensie życia, wartościach życiowych, cnotach i występkach*, w: *O stylach życia Polaków*, M. Falkowskiej (red.), Warszawa.
- [7] Pawlina, K. 1996. *Sens życia w opinii młodzieży w Polsce*, w: *Comminio* N 3.
- [8] Pilch, T. 1997. *Zasady badań pedagogicznych*, Wrocław.
- [9] Pirecki, K. 2002. *Studiowanie jako droga i szansa kształtowania systemu wartości*, w: *Edukacja wobec wartości*, J..Kojkoł, P. Przybysz (red.), Gdynia.
- [10] Świda-Ziemba, H. 1996. *Postawy wartościujące pokolenia X.*, w: *Probl. opiek.-wychow.* N 2.
- [11] Świda-Ziemba, H. 1998. *Wartości egzystencjalne młodzieży lat dziewięćdziesiątych*. Warszawa.
- [12] Świda-Ziemba, H. 2000. *Obraz świata i bycia w świecie*. Warszawa.